

Джейн Смайли

Джейн Смайли

Немного удачи

Издательство АСТ
Москва

1920

Ограду вдоль ручья Уолтер Лэнгдон не проверял уже несколько месяцев — теперь, когда коров устроили в загоне возле амбара, чтобы зимой их легче было доить, он все откладывал починку забора, — поэтому ничего не знал о совином гнезде на большом вязе. Уолтер давно подумывал спилить полумертвое дерево и пустить его на дрова, но в одиночку с этим не справиться — вяз был футов восемьдесят, а то и больше, в высоту и четыре фута в обхвате. Да и дрова получатся так себе, чего зря силы тратить. И вдруг он увидел, как из большого дупла футах в десяти-двенадцати от земли вылетела сова — то ли крупная самка, то ли огромный самец, но это был самый большой виргинский филин, которого Уолтер когда-либо видел. Он замер, овеваемый полуденным ветерком, напрягая слух, но не услышал ни звука. Через минуту он понял, почему. Бесшумно пролетев ярдов двадцать, сова камнем рухнула к заснеженному пастбищу. Раздался громкий писк, и сова снова взмыла в воздух, сжимая в когтях взрослого кролика, который поначалу дергался, а потом замер, видимо, парализованный страхом. Уолтер встряхнулся.

Наблюдая за совой, он посмотрел наверх, и взгляд его устремился дальше, вдоль южного горизонта по ту сторону забора, скользнув по крошечному ручейку, за дорогу. Кроме большого вяза и двух поменьше глазу не за что было зацепиться — бесконечные снега плавно перетекали в огромные облака, затянувшие небо. Уолтер едва различал флюгер и край куполообразной крыши амбара Гарольда Грубера, стоявшего более чем в миле к югу. Появление гигантской совы нарушило это монотонное однообразие и словно бы пробудило Уолтера. Кролик, кричащий кролик? Что ж, весной этот кролик не будет портить посевы овса. В мире полно кроли-

ков, а вот сов не так уж и много, особенно таких, как эта, — огромных и бесшумных. Тем временем сова развернулась и полетела назад к дереву. И хотя сумерки еще не наступили, свет был настолько тусклым, что Уолтер не мог с уверенностью сказать, действительно ли он разглядел похожие на рожки перья на голове второй совы, выглянувшей из дупла в стволе вяза. Может, и разглядел. Ему бы хотелось так думать. Он забыл, зачем пришел.

Двадцать пять. Завтра ему исполняется двадцать пять лет. В какие-то годы к дню его рождения снег уже стаивал, но нынче зима выдалась долгая, и всю ее Уолтер проторчал возле коров. Последние пару лет у него было пять дойных коров, но за этот год их количество выросло до десяти. Он и не подозревал, насколько труднее это будет, даже с помощью Рагнара, а ведь Рагнар коров не любил. Но как раз из-за Рагнара Уолтер и завел новых коров — ему нужен был какой-нибудь источник дохода, чтобы платить работнику, — но коровы сторонились Рагнара, и Уолтеру приходилось доить их самому. Ну и, конечно, цены на молоко упадут. Отец предупредил, что так и будет: прошло два года, как кончилась война, и европейцы уже встали на ноги или, по крайней мере, достаточно уверенно встают на них, чтобы цены на молоко упали.

Уолтер постарался отогнать эту мрачную мысль. Когда он сообщил отцу, что в этом году его доходы были равны расходам, он ожидал, что тот, как всегда, покачает головой и объявит покупку фермы, когда цены на землю так высоки, сущим безумием. Но, и это забавно, отец лишь похлопал его по спине и поздравил. «Включало ли это проценты по долгу?» Уолтер кивнул в ответ. «Значит, год хороший», — сказал отец. Отцу принадлежало триста двадцать акров полностью оплаченной земли, дом на четыре спальни и большой амбар, доверху набитый сеном. Уолтер мог бы по-прежнему жить там, даже с Розанной, даже с ребенком, особенно сейчас, когда Говард скончался от гриппа и в доме было полно места, но тогда отец день и ночь заходил бы без стука к нему в комнату, горя желанием сообщить Уолтеру об очередном деле, которое тому следовало сделать, запомнить или закончить. Отец был

строг и во всем любил порядок. Он даже за матерью наблюдал, пока та стряпала на кухне, и так было всегда. Розанна тогда ни слова не сказала — Уолтер сам хотел иметь собственный дом, сам приглядел маленькую ферму (стены были такие тонкие, что казались едва ли не прозрачными), сам обходил поля и думал, что ради такой долины стоит потерпеть невзрачный домишко, а поля все прямоугольные — легко вспахать и никаких неудобных лишних углов. Все решения Уолтер принимал самостоятельно, так что ему некого было винить, кроме себя самого, в охватившей его панике, которую он пытался побороть в канун дня своего рождения. Разве знает он хоть одного человека его возраста, который имел бы собственную ферму? Ни одного, во всяком случае в этих краях.

Глядя на Розанну, и не скажешь, что она из семьи потомственных немецких фермеров и сама выросла на ферме. Она была белокурой, стройной и очень изящной, когда она восхищалась красотой их ребенка, то как будто не осознавала, что он является точной ее копией. Подобное сходство Уолтер наблюдал у некоторых коров: телят как будто штамповали по одной форме, и даже то, как они поворачивали голову или взбрыкивали задними ногами, напоминало о прошлогоднем теленке и о том, что был за год до этого. В семье Уолтера все были с примесями, как говаривал дедушка: к Лэнгдонам примешались эти рыжие, с удлиненными головами, с шотландской границы, а еще темноволосые ирландцы из Уэксфорда, произошедшие якобы от моряков из Испанской армады, а еще высокие, лысоватые из пригорода Глазго, которым всегда требовались очки. Мать по своей линии разнообразила все это выходцами из Уэссекса («дерзкие Чики и робкие Чикки»*, — всегда говорила она), но, глядя на семью Уолтера, нельзя было вот так сразу понять, что они состоят в родстве, в отличие от семьи Розанны. И все же из всех своих теток, дядьев и кузенов, из всех Аугсбергеров и Фогелей Розанна была самой красивой, потому-то он, вернувшись с фронта и повнимательнее к ней приглядевшись, решил за-

* По-английски *cheek* — дерзость, *chick* — птенец.

воевать ее, хотя она и была католичкой. Ферма Лэнгдонов и ферма Фогелей находились недалеко друг от друга — их разделяло не больше мили, — но даже в таком маленьком городке, как Денби, людям почти нечего сказать тем, кто посещает другую церковь или, нельзя не отметить, говорит у себя дома на другом языке.

О, Розанна, ей всего двадцать, но самообладанием и грацией она не уступит любой взрослой женщине! Подойдя к дому в сумерках, Уолтер увидел в окне профиль жены, очерченный светом лампы у нее за спиной. Она высматривала его. Уже по тому, как она держала голову, было понятно, что она обдумывает какую-то идею. И он, конечно же, согласится. В конце концов, птенцам всегда приходится нелегко, будь ты фермер или ворона. Разве не знал он с самого детства, что птенцы выпадают из гнезда и скачут, пищат и плачут, пока у них не отрастут перья и они не научатся летать? Родители беспомощно кружат над ними, иногда подбрасывают им немного еды, но взлететь или погибнуть — это зависит лишь от самого птенца. Уолтер поставил ногу на первую ступеньку крыльца и ощутил привычный прилив бодрости от этой мысли. Стряхнув грязь с обуви на крыльце, он скинул сапоги. Когда открылась дверь, Розанна обняла его и запустила руки под его расстегнутую куртку.

На переднем крыльце на сложенном одеяле сидел (только что научившись этому) пятимесячный Фрэнк Лэнгдон и играл с ложкой. Он держал ее в правой руке за потускневшую серебряную лопасть, а когда подносил к лицу, глаза его сходились на переносице, что изрядно веселило его мать, Розанну, которая в это время чистила горох. Теперь, когда он уже умел сидеть, он мог ронять ложку, а затем остороженько поднимать ее. Раньше ему нравилось лежать на спине и размахивать ложкой в воздухе, но стоило той упасть, как развлечению приходил конец. Теперь все обстояло иначе. Упорство было одним из качеств, которое Розанна приписывала малышу Фрэнку. Если у него в руках оказывалась ложка, то он хотел играть только с ней. Если же ему случалось выронить ложку и мать давала ему взамен тряпичную куклу (которую

ее сестра, Элоиза, сшила специально для малыша), Фрэнк капризничал до тех пор, пока она не возвращала ему ложку. А теперь, сидя, он клал ложку на пол и снова подбирал ее, опускал и поднимал. Он явно предпочитал ложку кукле, Розанна, однако, всегда рассказывала Элоизе и своей матери, как сильно Фрэнку полюбилась эта кукла. Теперь Элоиза вязала ему шерстяную шапочку. Она впервые что-то вязала и рассчитывала закончить к октябрю. Розанна достала из корзины последнюю горсть стручков. Ей нравилось чистить горох.

Фрэнк был спокойным ребенком и редко капризничал. По словам матери Розанны, таким характером обладали все члены семьи по ее линии. Кстати, о горохе: Розанна и пятеро ее братьев и сестер все были одинаково хорошими детками, и Фрэнк был той же породы — светловолосый, очаровательный и спокойный, полненький, но без капли жира, очень живой, но не капризный, хорошо засыпал каждую ночь и просыпался всего один раз, будто по расписанию, на рассвете, а потом снова засыпал на два часа, пока Розанна готовила завтрак для Уолтера и наемного работника. Можно ли желать лучшего?

Покончив с горохом, Розанна поставила миску на одеяло, встала на колени перед Фрэнком и сказала:

— Мой малыш! Какой же ты хороший! Ты ведь мой милый малыш?

И поцеловала его в лобик, потому что ее мать ясно дала ей понять, что никогда не следует целовать ребенка в губы. Розанна нежно положила руку ему на голову.

Не выпуская ложки из рук, Фрэнк зачарованно изучал лицо матери. Он следил за тем, как оно отодвинулось, когда она улыбнулась, и улыбнулся в ответ, а затем засмеялся и замахал руками, отчего ложка — впервые! — выскочила у него из руки и упала на другой конец одеяла. Он видел, как она летит, как падает, и слегка повернул голову, чтобы понаблюдать за ней.

Розанна рассмеялась, потому что на лице у него появилось выражение искреннего удивления, очень взрослое по мнению Розанны (хотя она должна была признать, что на

своих братьев и сестер она совсем не обращала внимания, кроме тех случаев, когда они ей мешали или ей было велено за ними присматривать, — не сказать чтобы это занятие доставляло ей удовольствие или у нее это хорошо получалось). Фрэнк подался вперед и вдруг повалился на бок. Одеяло смягчило падение. Как обычно, он не заплакал. Розанна посадила его обратно и дала ему ложку, затем встала, подумав, что стоит поскорее вернуться в дом и поставить в разогретую духовку хлеб, который уже должен был подняться во второй раз. Она вернется через пару минут. За пару минут ничего не случится.

Сжимая в руке ложку, Фрэнк услышал шелест платья матери и увидел, как она заходит в дом. Захлопнулась фанерная дверь. Через некоторое время Фрэнк вновь сосредоточился на ложке, которую теперь держал за черенок, лопастью вверх. Он стукнул ею по одеялу, и, хотя ложка ярко выделялась на фоне темной ткани, удар был бесшумным, так что он снова поднес ее к лицу. Она становилась все больше и ярче, больше и ярче — как странно, — и тут он что-то почувствовал, но не в руке, а на лице — что-то надавило на него, стало немного больно. Ложка отодвинулась, и раздался звук: этот звук издал сам Фрэнк. Он взмахнул рукой, и ложка вновь отправилась в полет. Теперь она стала маленькой и непохожей на ложку. Фрэнк долго глядел на нее, а потом начал озираться по сторонам в поисках чего-нибудь, до чего сумел бы дотянуться. Единственным, что попало ему на глаза, была большая чистая картофелина, на которой мама вырезала глаза, нос и рот. Картофелина не особо интересовала Фрэнка, но она была рядом, поэтому, нащупав ее, он схватил клубень и потянул его в рот. По вкусу картофелина очень отличалась от ложки.

Куда больше Фрэнка заинтересовало появление кота — рыжего, длинного, размером с самого Фрэнка. Засмотревшись на кота, он бросил картофелину, а кот обнюхал его рот и пощекотал усами щеку Фрэнка, присел, чтобы рассмотреть картофелину, прижавшись к Фрэнку, отчего тот опять упал. Вскоре снова хлопнула дверь. Кот между тем с мурлыканьем устроился на перилах крыльца, а Фрэнк лежал на спине, глядя в дощатый навес над собой и дергая ножками — левой,

правой, левой, правой. Мама подняла его, и, пролетев по воздуху, он оказался прижатым к ее плечу, головой и ухом на ее теплой шее. Он в последний раз увидел кота, и крыльцо закружилось вокруг него, а за ним — зелено-золотистая трава, и бледная горизонтальная линия проселочной дороги, и два поля, одно под овес — густо засаженное и колышущееся, — а второе под кукурузу, разделенное на тихие, неподвижные квадраты («Ветерок, — думала Розанна. — Открою-ка окна наверху»), а вокруг всего этого — нечто пустое, плоское и бескрайнее, покрывавшее весь мир.

Теперь Фрэнк лучше знал и понимал кухню. У него был стульчик с собственным столиком, за которым он сидел по нескольку раз в день, и с этого места очень удобно было обозревать помещение, где ему никогда не позволяли ползать. Он как раз недавно научился ползать. Почти всякий раз, как он сидел на кухне, туда заходили двое: папа и Рагнар. Папа говорил с мамой, мама отвечала, и Фрэнку казалось, он понимает кое-что из того, о чем они говорят. А вот Рагнар бубнил неразборчиво, и Фрэнк не понимал его, даже если мама или папа кивали. Когда кивают — это хорошо, потому что обычно при этом улыбаются. А еще Фрэнк не понимал, почему ему делается больно и появляется шум, когда он сам двигается или пытается издавать звуки. Звуки сопровождались болью. Сейчас мама протянула к нему руку. Фрэнк повторил ее жест, и мама вложила ему в ладонь что-то твердое, и поскольку он хотел есть, то сунул это в рот и укусил. Когда он это сделал, и боль, и шум немного ослабли.

— Ох, бедный малыш, — сказала мама. — Верхние всегда хуже нижних. — Слегка приподняв пальцем его верхнюю губу, она продолжала: — Слева, кажется, прорезался, но справа почти не видно.

— Моя мать говорила, что те, у кого зубы режутся поздно, всегда больше капризничают, — сказал папа. — У нас с Лесом прорезались в четыре месяца.

— Йа-йя-йя, — вставил Рагнар. — *Slik liten tenner!**

* Такие маленькие зубы (норв.).

Рагнар и папа взяли вилки и начали есть. Фрэнк уже попробовал их еду, правда с ложки: пюре, немного курицы, зеленые бобы. Мама поставила свою тарелку на стол и села рядом со стульчиком Фрэнка. Вилкой она положила боб Фрэнку на поднос. Когда он дотронулся кончиком пальца до скользкого боба, папа, мама и Рагнар рассмеялись, хотя самому Фрэнку боб вовсе не показался смешным.

Но все без толку. Боль снова захватила его с ног до головы, а следом за ней — шум.

— *Han nødvendig noe Akevitt**, — сказал Рагнар.

— Нет у нас этой отравы, Рагнар, — ответил папа.

Шум в голове усилился.

Руки Фрэнка грохнулись на поднос, боб и корка хлеба подпрыгнули.

— Надо что-то сделать, — начала мама. — Моя мать говорит... — Но, взглянув на папу, она замолчала.

— Что? — спросил папа.

— Ну... Рагнар прав. Надо связать узлом чистую тряпку и смочить ее ви́ски. Он пожует тряпку, и боль уймется.

Шум стал не то чтобы громче, но более пронзительным и прерывистым. Фрэнк заколотил ногами по стулу.

Папа наклонил голову и сказал:

— Ладно, попробуй.

Положив вилку, мама встала из-за стола и вышла. Фрэнк проследил за ней взглядом.

На папу Фрэнк смотрел раз в пять или десять реже, чем на маму, даже если они оба были с ним в комнате. Это казалось ему совершенно естественным. Папа был высоким и шумным. У него был большой рот и крупные зубы, волосы торчали вверх, а нос резко выдавался вперед. Когда папа обнимал его, ему казалось, что его стискивают, а не ласкают. Когда папа поднимал его и приближал к нему свое лицо, Фрэнк ощущал какую-то резкость, от которой у него дергался нос. Когда папа касался его, он чувствовал грубую шершавость его пальцев и ладоней на своей детской коже. Рядом с папой он выглядел меньше. А еще Фрэнк обнаружил, что

* Ему нужен спирт (норв.).

в присутствии папы шум в голове чаще усиливается. От Фрэнка это никак не зависело. Просто так получалось. И теперь, когда мама надолго ушла, Фрэнк отвернулся от папы и устался в окно.

— Так, — вернувшись, сказала мама. — Вот, нашла в буфете. Но узел нужно слегка обсыпать сахаром, иначе ему будет слишком горько.

Она взяла с полки чашку и что-то налила в нее. Потом подняла столик стульчика Фрэнка, придерживая ребенка одной рукой, а затем взяла его на руки и посадила себе на покачивающееся колено. Шум заметно стих. Тем не менее она все же вложила что-то ему в рот, что-то обжигающее, но потом показавшееся ему влажным и сладким, да и в любом случае это вполне можно было сосать.

— Рагнар, — сказал папа, — по-английски это называется «сахарная титька».

— Ох, Уолтер, — возмутилась мама. — Честное слово...

— *Sukker smokk*, — повторил Рагнар.

— Уверена, что, пока вы чистите свинарник, ты учишь Рагнара отборным английским непристойностям, — сказала мама.

Рот Фрэнка принялся за работу, поглощая сладость через горечь. Обычно, пока он сосал, он смотрел на маму, на изгиб ее скулы и светлую прядь волос, прикрывавшую ухо, но сейчас он устался в потолок. Тот был плоский, и чем больше он сосал, тем, как ему казалось, все ниже опускался потолок, становясь все ближе.

— Он заснул? — это было последнее, что услышал Фрэнк.

Покачивание продолжалось.

Научившись ползать, Фрэнк обнаружил, что многие двери для него закрыты. Большую часть времени он проводил в столовой — подальше от печки в гостиной или от духовки на кухне. Многого из того, что раньше доставляло ему удовольствие, теперь он был лишен, в том числе ежедневного чудесного полета ложки. Теперь ложку ему давали только тогда, когда он надежно устраивался на своем высоком стуль-

чике в кухне (теперь его пристегивали ремнем, поскольку ему ничего не стоило, изогнув спину, сползти вниз под столик, чтобы оказаться на полу и отправиться его исследовать). Что бы он ни поднимал, пусть даже самую мелочь, у него тотчас отбирали, прежде чем он успевал хотя бы бегло рассмотреть добычу, не говоря уж о том, чтобы сунуть ее в рот. Все, что он успевал схватить, отнимали и заменяли крекером, но он уже досконально изучил крекеры и больше не находил в них ничего занимательного.

Ему не оставалось почти ничего, кроме как стоять возле одного из тростниковых стульев рядом с манежем и барабанивать по нему руками — то одной, то другой, иногда по очереди, а иногда вместе. Тростниковое сиденье и деревянный каркас интересно сочетались друг с другом. Если он бил кулачком по дереву, ему было немного больно, но не слишком. Ударившись о тростник, кулачок подскакивал. Еще он смеялся, опрокидывая стул, однако при этом он и сам мог упасть: пускай он уже лучше умел держаться на ногах, но все еще пока не ходил. Эти соблазнительные ощущения все же не могли заменить все остальное в доме: лестницу, окна, корзину с хворостом, книги, которые можно было открывать, закрывать и рвать, кресло-качалку, которое можно было опрокинуть, кота, за которым можно было гоняться (но не поймать), бахрому ковра, которую можно было жевать. Он даже не мог больше выходить на крыльцо. Когда дверь открывалась, сквозь нее врывался холодный ветер, заставляя его резко вздыхать.

Мама с папой то приходили, то уходили. Когда он издал звук (теперь он знал, откуда берется звук и как его издать, когда хочется: нужно просто открыть рот и выдавить какой-нибудь из звуков, которые оказывали различное действие на маму с папой), из-за кухонной двери показалась мама. В руках она держала тряпку.

— Фрэнки хочет кушать? — спросила она. — Бедняжка. Еще две минутки, малыш.

Дверь закрылась, и она исчезла. Он принялся стучать кулаком по тростниковому стулу и издавать звуки: «Ма-ма-ма-ма-ма». Дверь из кухни снова распахнулась.

— Что ты сказал, Фрэнки? — спросила Розанна. Она зашла в манеж и присела перед ним. — Скажи еще раз, малыш. Скажи: «Мама».

Но он сказал что-то другое, непонятно что. Пока это был всего лишь шум. Когда она встала, он посмотрел на нее снизу вверх и протянул к ней руки. Это произвело желаемое воздействие.

— Ты самый красивый малыш! — воскликнула она.

Взяв его на руки, она села на тростниковый стул, расстегнула жесткий, сухой перед платья, а под ним находился желаемый теплый, мягкий предмет. Фрэнк поудобнее устроился у нее на коленях.

Впрочем, все было уже не так, как раньше. Когда-то ему хватало ее коленей, изгиба ее руки, груди и прекрасного соска — всего этого было довольно, чтобы доставить ему удовольствие. Но теперь, даже наслаждаясь этим, он постоянно отвлекался — окидывал взглядом комнату, обращая внимание на верхние углы дверей, на лепнину, на падающий из окон бледный свет, рисунок на обоях, мамино лицо, и снова по кругу в поисках чего-нибудь нового. Мама задумчиво гладила его по голове. В тишине комнаты (сам Фрэнк уже не шумел) стали слышны другие звуки: вой ветра, гуляющего вокруг дома, стук ледышек по дому (приглушенный) и окнам (резкий). Иногда ветер дул с такой силой, что весь дом скрипел. Вдруг за громким треском последовал более продолжительный, высокий звук, и мама выпрямилась. Она подняла Фрэнка повыше, пробормотав: «Что это такое?» — и встала.

Они подошли к окну.

Не было в мире ничего более удивительного, чем окна, но самостоятельно к ним не подобраться. В окно можно было смотреть много раз, и, хотя оно всегда оставалось на одном и том же месте, вид за ним постоянно менялся. Иногда там не было ничего, только черная пустота, но сейчас пустота была белой. Ее гладкость казалась ужасной. Когда Фрэнк протянул руку и положил ее на стекло, мама накрыла ее своей и вернула ее обратно к груди.

— Ах, большая ветка пекана, — сказала она. — И прямо во двор. Там, наверное, градусов десять мороза, малыш, или еще